

Литературный факт.
2022. № 1 (23)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (23), 2022

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-182-217>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Старик Патрикеич». Введение в культурную биографию «шинельного пиита» конца XVIII – начала XIX в. *

© 2022, И.Ю. Веницкий

Аннотация: В статье устанавливается реальный адресат сатирического послания Д.И. Фонвизина к бездарному пииту Ямшикову (конец 1770 – нач. 1780-х гг.) и реконструируется литературная легенда этой колоритной личности, рассматриваемая в контексте культурной истории образа низового стихотворца, навязывающего свои творения богатым и влиятельным патронам. В научный оборот вводится не известная до сих пор драма Тимофея Патрикеевича Ямщикова под названием «Постоянная любовь с курантами Скворца. Курьёзно-сурьёзная драма», впервые поставленная в Санкт-Петербурге в 1796 г. В конце XVIII – начале XIX в. цитаты из этого произведения приводились современниками как примеры «апофеоза глупости», а сама фигура «старика Патрикеича» стала комическим символом поэтического безобразия. Текст комедии даёт нам уникальную возможность услышать голос самого Ямщикова, сформулировавшего в ней творческое кредо «маленького автора», осмеиваемого представителями литературной элиты. Факт существования сочинителя Патрикеича перестраивает наше представление о социальной структуре и динамике русской литературы XVIII – начала XIX вв., вводя в последнюю образ поэта-гаера — вдохновенного армейского виршеплета, несущего в мир свое простое слово.

Ключевые слова: Д.И. Фонвизин, П.А. Вяземский, Тимофей Патрикеевич Ямщиков, Матвей Хуйдашев, «шинельные стихотворцы», «антипоэзия», литературные полемикки конца XVIII – первой трети XIX вв.

Информация об авторе: Илья Юрьевич Веницкий — доктор филологических наук, профессор русской литературы, Принстонский университет, Princeton, NJ 08544, США, бывший сотрудник Гоголевской группы Ю.В. Манна.

Для цитирования: Веницкий И.Ю. «Старик Патрикеич». Введение в культурную биографию «шинельного пиита» конца XVIII — начала XIX в. // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 182–217. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-182-217>

* Выражаю искреннюю признательность Ольге Краевой, Кириллу Зубкову, Алексею Балакину, Константину Лаппо-Данилевскому, Екатерине Ляминой и Татьяне Артемьевой за помощь в реализации этого проекта.

*Дед Патрикеич стишки написал,
Эти стишки он в Пушкидом отослал.
Бросили их, не читая, в окно —
Дедушка старый, ему все равно.
(Народный филологический стишок)*

*В каком-то доме был Скворец,
Плохой певец...
(И.А. Крылов)*

«Эффект Кабанова». Зачин

В книге о культурном значении русской «антипоэзии» (то есть поэтических текстов, считавшихся законодателями и хранителями литературных вкусов верхом бездарности и глупости) и ее символическом «короле», стихо- и рифмолюбивом графе Дмитрие Ивановиче Хвостове (см.: [7]), я привел свое студенческое воспоминание, которое, как мне представляется, уместно повторить в зачине предлагаемой работы. Однажды мы с другом, будущим плодовитым писателем А.В., попали на вечер художественной самодеятельности в подмосковном доме отдыха, где работала бабушка А.В. Публика была в основном пожилая, а программа типичная для таких культурных мероприятий: аккордеон, народный танец, хоровая цыганочка и незатейливые фокусы. В общем, было довольно скучно. Но тут объявили новый номер — чтение собственных стихотворений очень немолодого отдыхающего, которого ведущий представил коротко и несколько фамильярно: «Старик Кабанов!»

На сцену вышел добродушный дедушка, лукаво подмигнул своим ровесникам и ровесницам и начал читать без бумажки навсегда запомнившиеся мне вирши:

Я пошел сегодня в лес,
В лесу видел много чудес.
Там встретил одну старушку —
Мою очень давнюю подружку.
Потом мы с ней пошли обедать,
Потому что больше было нечего делать.
А потом мы увидели Анну Петровну
И побежали от нее подобру-поздорову,
И будем мы рады и счастливы до разъезда,
Пока не проглотит нас городская бездна, и т. д.

Публика, включая директора дома отдыха Анну Петровну, была в восторге и долго ему хлопала. После концерта мы с другом встретили этого автора в коридоре. Он прошел мимо нас, глядя с простодушным лукавством прямо в глаза. Похоже, что он ждал признания молодежи, и мы хором и совершенно искренне его поблагодарили за доставленное удовольствие.

В книге о гр. Д.И. Хвостове я назвал такое добродушно подмигивающее исполнение стихотворений «приемом старика Кабанова», рассчитанным на свою — не бог весть какую, но радушную — аудиторию. Этот эффект, как мне кажется, симптоматичен для русской любви к рифмованию (эхолалии), ориентирующейся на давнюю традицию скоморошечьего балагурства (достаточно заглянуть в современный рунет или русский Фейсбук, чтобы убедиться в том, насколько жива и активна эта традиция, которую не вывела у нас ни царская полиция, ни советская идеологическая инквизиция, ни эстетическая оппозиция). В каком-то смысле «народный» поэт-балагур (или его стилизатор), имеющий свой круг социально и эстетически близких поклонников, является символической скрепой в истории русской поэзии: каждый возникая в новых — характерных для своего времени — ипостасях, он неизменно осмеивается «высокой» (культурной) традицией. Об одной из таких ипостасей и ее сатирически-любовном восприятии «культурными авторами» конца XVIII – первой трети XIX вв. речь пойдет ниже.

«Чудо странное»

В 1838 г. князь П.А. Вяземский — известный поэт, сатирик, критик и хранитель литературных преданий XVIII в. — опубликовал найденный в фонвизинских бумагах отрывок из «Послания к Ямщикову», включенный им десять лет спустя в приложение к жизнеописанию драматурга. В этом отрывке с многочисленными купюрами, напоминающем по своей иронической разговорной манере известное «Послание к слугам моим...» Фонвизина, знаменитый сатирик обращается к бездарному «низовому» стихоплету:

Натуры пасынок, проказ ее пример,
Пиита, философ и унтер-офицер!
Ограблен мачехой, обиженный судьбою,
Имеешь редкий дар — довольным быть собою.
Простри ко мне глагол, скажи мне свой секрет:
Как то нашлось в тебе, чего и в умных нет?
Доволен ты своей и прозой и стихами,

Доволен ты своим рассудком и делами,
 И, цену чувствуя своих душевных сил,
 Ты зависти к себе ни в ком не возбудил.
 О чудо странное! Блаженна та утроба,
 Котора некогда тобой была жерёба!
 Как погреб начинен и пивом и вином,
 И днем и нощию объятый крепким сном,
 Набивший нос себе багровый, лучезарный,
 Блажен родитель твой, советник титулярный!
 Он, бывши умными очами близорук,
 Не ищет проникать во глубину наук,
 .....
 .....
 Не ищет различать и весить колких слов.
 Без грамоты пиит, без мыслей философ,
 Он, не читав Руссо, с ним тотчас согласился,
 Что чрез науки свет лишь только развратился,
 И мнит, что .....
 Блаженны, что от них такой родился плод,
 Который в свете сем восстановит их род...
 ..... [29, с. 316–317].

По словам автора ЖЗЛовской биографии Фонвизина М.Ю. Люстрова, зачин этого ядовитого псевдопанегирического послания к не искушенному талантом и образованием стихотворцу «строится по образцу торжественных славословий, где после длинного перечня удивительных качеств адресата следует почтительная просьба раскрыть секрет его успеха» [22, с. 44–45]. О самом этом адресате «известно лишь, что он — “пиита, философ, унтер-офицер” и, естественно, имеющий тяжелую наследственность самодовольный дурак». Люстров также обращает внимание на то, что некоторые строки этой сатиры на «микроскопического» сочинителя, приемного (нелюбимого) сына природы, кощунственно «отсылают к тексту молитвы “Богородице Дево, радуйся”» («благословен Плод чрева Твоего»), в свою очередь восходящему к 11-й главе Евангелия от Луки («Бысть же егда глаголаше сия, воздвигши некая жена глас от народа, рече ему: блажено чрево носившее тя, и сосца, яже еси ссал»¹).

¹ В пер. Сергея Аверинцева: «И было, когда говорил Он это, некая женщина, возвысив голос из толпы, сказала: «Блаженна материнская утроба, носившая Тебя, и грудь, вскормившая Тебя!» (Лк 11: 27) [1, с. 146]. «Утроба» вместо «чрева» используется в «Сказании Авраама Парицына об осаде Троице-Сергиева монастыря»: «Блажена утроба твоя, поносивши Свѣта свѣтлѣйша солнца тысящами тысящей

Фонвизин таким образом травестийно уподобляет бездарного пиита, сына вечно пьяного титулярного советника, Спасителю («Блаженны, что от них такой родился плод, // Который в свете сем восстановит их род»). Разумеется, в фонвизинской литературной пародии (предвосхищающей, как замечает Люстров, один из «ноэлей» кн. Горчакова и — можно добавить — «Гавриилиаду» Пушкина [22, с. 45]²) чудесное явление на свет безгрешного «антипоэта» Ямщикова (так сказать, эталона пиитической безграмотности и глупости) изображается как антитеза рождению Христа.

В русской поэзии второй половины XVIII в. — периода борьбы за эстетические ценности формирующейся европеизированной культуры — этот образ занимает особое место. Фонвизинский литературный «антихрист» Ямщиков предстает здесь как своего рода комическая энтелехия пиитического уродства («апофеоз глупости», как позднее говорили поэты-арзамасцы) — «демократический» аналог литературной мифологии вельможного метромана Д.И. Хвостова. Рассмотрим историко-культурную генеалогию этого образа и постараемся реконструировать реальную основу фонвизинской сатиры. Кому она адресована? Существовал ли этот комический пиит и философ на самом деле и какую функцию он выполнял в истории русской поэзии и литературного быта? В чем его «секрет»?

«Уличный стихотворец»

Полный текст «Послания к Ямщику» не был обнаружен, но оно, как указывает Н.П. Степанов, «было явно завершено Фонвизиным, ходило в рукописи и произвело литературный скандал» [34, с. 209]. Исследователь ссылается на воспоминания М.Н. Муравьева, в которых это послание упоминается в числе других примечательных событий его литературной юности: «Гордый Петров приневоливал Вергилиеву Музу пить невскую воду, Фонвизин унижал свое колкое остроумие “Посланием к Ямщику”, Капнист ссорился с рифмокропателями» [34, с. 209]. Текст «Послания к Ямщику» был не только известен современникам³, но и преломился в опубликованном

и тем тмами! Благословени руцѣ твои, поносившеи Спеншаго море словом!» [4, с. 352].

² Ср. тот же акафист в «авторской версии» пушкинского Гавриила: «О радуйся, невинная Мария! / Любовь с тобой, прекрасна ты в женах; / Стократ блажен твой плод благословенный: / Спасет он мир и ниспровергнет ад... / Но признаюсь душою откровенной, / Отец его блаженнее стократ!» [27, т. 4, с. 133].

³ Кажется, что к фонвизинской характеристике Ямщикова восходит монолог Милона из неопубликованной комедии Н.Н. Сандунова 1802 г.: «Я живописец

тем же П.А. Вяземским «Послании к творцу посланий», адресованном Фонвизину его не менее едким противником А.С. Хвостовым в 1782 г. (что позволяет датировать фонвизинский текст концом 1770-х – началом 80-х гг.).

В 1855 г. С.П. Жихарев связал героя сатирического послания Фонвизина с неким «известным уличным стихотворцем стариком Патрикеевом», «которого необыкновенной способности низать рифмы завидует сам остроумный Марин, а оригинальными виршами так восхищается мой друг Кобяков» [36, с. 128]. Этот Патрикеев обмолвился раз «пресправедливым двестишием»:

Горем беде не пособишь,
Натуру свою лишь уходишь [36, с. 128].

В примечаниях к фрагменту о Патрикееве Жихарев приводит цитату из посвященного И.И. Дмитриеву сатирического послания С.Н. Марина (1807; подражание второй сатире Буало, адресованной Мольеру):

О, еслиб я умел свою принудить Музу,
Чтоб тяжких правил сих сложить с себя обузу!
Когда я с Пиндаром сравнить кого готов,
Державин на уме, а под пером Хвостов;
Сам у себя весь век я, находясь в неволе,
Завидую твоей о, Патрикеев, доле.

Жихарев также указывает, что в свое время Патрикеев «был в моде и служил потехою многим умным людям, в том числе и Фонвизину, на которого написал он, так называемую им, эпиграмму:

Открылся некий Дионистр (т. е. Денис)
Мнимый наместник и министр,
Столпотворению себя уподобляет!» [36, с. 128]⁴

без глаз; музыкант без слуха; математик без алгебры; философ без познания; пишущий без грамоты; секретарь без юриспруденции; судья без правды; министр без политики, и хотя часто все это случается нынче встречать, но никто не будет столь чистосердечен, как я, чтобы точную о себе сказать правду» [18, с. 143] (здесь и далее курсив в цитатах мой. — И.В.). Впрочем, у послания и комедии может быть и общий, скорее всего французский, источник, который нам не удалось пока установить.

⁴ Скорее всего, под несуществующим «Дионистром» здесь понимается сиракузский тиран Дионисий, которому уподобил Фонвизина его литературный противник кн. Горчаков в эпиграмме 1783 г. Как пишет Степанов, «“Денис-тиран” Д.П. Горчакова — откровенный каламбур, спроецированный на цикл преданий о сиракузском тиране Дионисии-старшем. . . Горчаков в своей эпиграмме имеет в виду литературную репутацию Дионисия: могущественный властитель, он бездарно выступал на поприще трагического поэта, но, несмотря на это, упорно добивался

Автор «Недоросля», продолжает мемуарист, отвечал ему стихами, оканчивавшимися так:

Счастлива та утроба,
Котора некогда тобой была жереба! [36, с. 128]⁵

Наконец, вспоминает Жихарев, «верхом совершенства в нелепом сочетании рифм были стихи, поднесенные Патрикеичем Калужскому преосвященному». Они начинались обращением к адресату:

Преосвященному пою Феофилакту,
Во красноречии наук
Кой Вильманstrandскому подобен катаракту... [36, с. 129]⁶.

«а оканчивались желанием, чтоб преосвященный заглянул *любезно* на его послание *безмездно*; но в выноске замечено, что последнее выражение употреблено только для рифмы, а сочинитель не прочь от подарка».

Замечательно, что цитируемый Жихаревым Сергей Марин в своем переложении второй сатиры Буало на русские нравы заменяет имя французского третьестепенного поэта Жака Пеллетье, якобы ежедневно писавшего сонеты в честь заказчиков, на имя Патрикеича: «Завидую твоей, о Патриеич! доле». У Буало:

Enfin passant ma vie en ce triste métier.
J'envie, en écrivant, le sort, de Pelletier [39, с. 23].

Ср. в более раннем переводе этой сатиры князем Кантемиром:

поэтической славы» [34, с. 226–227]. В свою очередь, «министр» в эпиграмму Патрикеича мог попасть из басни И.И. Хемницера «Дионисий и министр его» (1782).

⁵ Эти стихи из «Послания к Ямщикову» пользовались особой популярностью у современников. Михаил Бестужев в своих воспоминаниях о Н.А. Бестужеве рассказывает об «экспромте» язвительного преподавателя русского языка и мифологии в Академии художеств Д.М. Василевского, которого один барин, «до пошлости глупый и назойливый до нестерпимости», попросил написать себе в альбом стишок: «Изволь, — отвечал Василевский с злою улыбкою сатира, — будет всем сестрам по серьгам, — и, не выпуская еще из рук пера, черкнул: “Благословенна мать, блаженна та утроба, / Котора некогда была тобой жереба”» [8, с. 233].

⁶ По остроумному предположению комментатора, «Вильманstrandским катарактом» Патрикеич на своем образном языке называет известного писателя А.П. Сумарокова (1718–1777), который о месте и времени своего рождения говорил в стихах: “Где Вильманstrand, я там поблизости рождён”. Добавим, что под катарактом в эпиграмме, очевидно, разумеется не бельмо на глазу, а пороги водопада, возможно, знаменитой Иматы.

Всю жизнь так мне провождать печально, обидно,
Трудясь, Пелетиеву счастью завидно [36, с. 346]⁷.

Таким образом, русский «уличный пиит» вписывается в неоклассическую традицию как образец поэта-приживальщика.

Действительно, образ пиита-паразита, торгующего «подносными» посланиями, часто встречается в комедиях конца XVIII в. Достаточно вспомнить Рифмохвата в комедии И.А. Крылова «Сочинитель в прихожей» (1786), пишущего на заказ трагедии, комедии, поэмы, рондо, баллады, сонеты, эпиграммы, сатиры, письма, романы и еще похвальные стихи⁸. В конце XVIII в. Андрей Кайсаров высмеивал «в пьянстве состарившегося» «рептильного» стихотворца Ивана Тодорского, «достойно прославляющего подвиги» старого вельможи Салтыкова [21, с. 57]. Князь П.А. Вяземский вспоминал, что сатирик Иван Дмитриев называл подобных поэтов «шинельными» («стихотворцы, которые в Москве ходят в шинеле по домам с поздравительными одами») [10, т. 9, с. 155]⁹. В начале 30-х гг. Вяземский уподобил таким «шинельным одописцам» своих друзей, Пушкина и Жуковского, за стихи, посвященные разгрому польского восстания [10, т. 9, с. 155].

Не исчез этот образ и в более позднюю эпоху. Так, он романтически преломляется в пушкинских «Египетских ночах» (1835), на этот

⁷ Над Пеллетье Буало смеялся и в других сатирических произведениях («Le reste, aussi peu lu que ceux de Pelletier. N'a fait de chez Sercy, qu'un saut chez l'épicière»). Ср. в русском переводе: «Мы знаем, что Серси колбасникам весь год / Сонеты Пеллетье на вес распродает» (пер. Э.Л. Линецкой; цит. по: <http://lingvo.asu.ru/france/texts/boileau/02.html>).

⁸ О генеалогии и коннотациях топоса одержимого рифмами пиита в русской поэзии XVIII — первой трети XIX в. см.: [23, с. 141–208]. Комическая маска поэта-педанта, пишущего на заказ «ученые» вирши, рассматривается нами: [5, с. 210–223].

⁹ Одним из таких торговавших рифмованными дифирамбами стихотворцев, по воспоминаниям Вяземского, был некий Фомин — постоянный посетитель дмитриевского салона в начале 1830-х гг.: «Сей Фомин ходил всегда в черном фланелевом капоте, вероятно, доставшемся ему, замечал Дмитриев, после траурного церемониала; за недостатком пуговиц капот сверху зашпилен был булавкою с каким-то цветным камешком. Дмитриев особенно любовался ею, угадывая, что она подарена была поэту кухаркою или прачкою, которую он воспел» [10, т. 7, с. 172]. Этого «несчастливого» рифмача, писавшего каждый год стихотворение «по случаю нового года торжества», упоминает в своих «Записках» и А.О. Смирнова-Россет [33, с. 265]. Возможно, что именно этого назойливого автора имел в виду и А.С. Пушкин в письме к жене, написанном около 16 декабря 1831 г.: «Как смели пустить к тебе Фомина, когда ты принять его не хотела? Да и ты хороша. Ты плясешь по их дудке; платишь деньги, кто только попросит; эдак хозяйство не пойдет. Вперед, как приступят к тебе, скажи, что тебе до меня дела нет; а чтоб твои приказания были святы» [25, с. 27]. По мнению Б.Л. Модзалевского, этим визитером был Николай Ильич Фомин (ум. ок. 1848) — трехстепенный литератор, бывший чиновник, затем актер и стихотворец, начавший свою литературную деятельность элегией «Плач Россиянина над гробом незабвенного монарха Александра I Благословенного». Он «писал и прозой, столь же плохой» [26, т. 3, с. 60, 453].

раз демонстративно связываясь с европейской традицией. «У нас нет оборванных аббатов, которых музыкант брал бы с улицы для сочинения libretto, — гордо заявляет итальянскому импровизатору русский аристократ Чарский, озвучивая пушкинские мысли середины 30-х гг. о коренном отличии русской аристократической литературы от буржуазной западной. — У нас поэты не ходят пешком из дому в дом, выпрашивая себе вспоможения» [27, т. 8.1, с. 266].

Наконец, в 1830–1840-е гг. образ полуграмотного «низового» сочинителя и философа, постоянно ищущего денег и покровителей, становится не только мишенью насмешек и орудием литературных полемик, но и предметом культурного (социологического, физиологического и антропологического) осмысления (статьи о «низовых» сочинителях пишут Ф.В. Булгарин и В.Г. Белинский), и даже самоосмысления. Так, один очень маленький и очень плохонький поэт-мещанин Александр Михайлович Пуговешников в 1833 г. написал для своего альманаха «Феномен» манифест, в котором постарался доказать, что без плохих поэтов никто бы и не узнал, что хорошие поэты существуют, причем первые необходимы не только для создания эстетической дистанции, но и для того, чтобы показать, как думают, чувствуют и выражают свои эмоции «маленькие люди», не обладающие культурным капиталом своих привилегированных соотечественников. Пуговешников заключал, что если бы плохих поэтов не было, то поэзия погрузилась бы «в какое-то неподвижно-мертвое оцепенение» [7, с. 184]¹⁰.

Вернемся к адресату послания Фонвизина, ставшему в русской сатирической традиции своего рода *эпонимом* бедного, бездарного и на редкость комичного (для смешливых вельмож-меценатов) уличного стихотворца. Существовал ли этот «русский Пеллетье» Ямщиков на самом деле?

Пролетарий рифменного труда

Судя по воспоминаниям современников, незадачливый стихотворец («антипоэт», в нашей терминологии) с фамильярно-домашним именем был лицом, хорошо известным в конце XVIII — начале XIX в. Замечательно, что над его анекдотическими стихами смеялся в своих записках сам «король графоманов», русский вельможа Д.И. Хвостов:

¹⁰ Как указал нам в электронном письме Михаил Макеев, такая самодеятельная поэзия была очень распространена и в 1840-е гг.: «не просто люди писали, но и печатали за свой счёт листочки с поздравительными стишками начальству». Вариантом этой традиции является «рифмованная реклама, которой отдал дань и молодой Некрасов» (предвосхитив тем самым В.В. Маяковского).

Известный Патрикееч [*зачеркнуто*: Ямщиков], написав для театра гаерскую, что под качелями, драму, принес ее к графу Аркадию Ив. Моркову, который был болен и у которого случился лейб-медик Роджерсон. Драма начиналась следующими стихами:

Послушайте, друзья, какой я видел сон.
Его не может знать и доктор Роджерсон.

Лейб-медик вслушался в свое имя и, узнав для какого театра драма изготовлена
и каким стихотворцем, подарил деньголюбивому певцу пятьсот рублей с тем, чтобы он его имя вымарал [14, с. 385].

В 1810–1820-е гг. имя Патрикееча стало нарицательным и активно использовалось в литературной борьбе. В 1814 г. сатирик А.Е. Измайлов рассказывал о статском советнике [Н.И.] Кайгородове — большом любителе словесности, который «пишет комедии, акrostихи, буриме и проч. и проч.» «и стихи сочиняет и *говорит на виршах, не лучше покойного Патрекевича*» (так!). «От скуки и то хорошо, — заключал Измайлов, — есть чему посмеяться» [28, с. 45]. (Это письмо, как заметил В. Симанков, позволяет приблизительно установить дату кончины легендарного старика-стихоплета — не позже 1814 г. [32, с. 26]). В своем полемическом «Рассуждении о Басне» (1816) Измайлов иронизировал над культом Сумарокова: «Если Сумароков наш Лафонтен, то и Тредьяковского можно назвать Фенеломом, а *Патрекейча (так!) Молиером*»¹¹.

В «Северной Пчеле» от 15 мая 1828 г. было помещено направленное против Степана Шевырева «Письмо к Издателям», в котором, в частности, говорилось:

Я только прошу вас сообщить ваше мнение, справедливо ли названы *мыслью*, и не будет ли справедливее назвать *бестолковщиною* — стихи Г[осподина] Шевырева, отнести ли этот философско-аллегорический вздор к Изящной поэзии, или к новейшим подражателям блаженной памяти стихотворца Патрикееча?

В 14-м номере «Сына Отечества» за 1830 г. в разделе «Альдебаран» было напечатано шутовское «Введение в биографию Патрикееча», пародировавшее «Введение в жизнеописание Фонвизина» князя Вяземского и включавшее, как показал М.И. Гиллельсон, насмешки

¹¹ Сын Отечества. 1816. Ч. 33. С. 169.

над литературным аристократизмом пушкинско-дельвиговской партии [11, с. 195]. Автор(ы) пародии заявляли, что на смену поэтам «придворной славы» (Ломоносову, Петрову, Державину) и «поддельным стихотворцам идилическим» (Богдановичу и другим) в русской словесности явились «стихотворные полотеры» (здесь: литераторы, объединившиеся вокруг «Литературной газеты»). «Сии предварительныя замечания», сообщалось в статье, «нужны были для приступления» к собственно биографии Патрикееича (о нем в этой статье не было сказано ни слова). Публикация завершалась обещанием: «Продолжение будет напечатано в предисловии к Сочинениям Патрикееича»¹². К сожалению, ни обещанное предисловие, ни сочинения Патрикееича в журнале Греча и Булгарина не появились.

Не входя в существо и детали резкой литературной полемики начала 1830-х гг., укажем, что А.С. Пушкин воспользовался тем же приемом уподобления оппонента безграмотному низовому литератору, ответив на «биографию Патрикееича» апологией А.А. Орлова — лубочного сочинителя «на потребу толкучего рынка»¹³.

Надо сказать, что в русской литературной мифологии Патрикееич служил не только эталоном бездарного стихоплета (тип, восходящий к Бавию и Мевию в античной сатирической поэзии) и «шинельного» пиита-приживальщика, но и представителем веселой братии уличных

¹² Сын Отечества и Северный архив. № 14. СПб., 1830. Т. 11. С. 115.

¹³ Феофилакт Косичкин. Торжество дружбы, или Оправданный А.А. Орлов // Телескоп. № 13. 1831. Обратим внимание на любопытную пушкинскую «рифму» в русской литературной мифологии уличных («лубочных») поэтов. П.В. Анненков, рассказывая о том, что поэт рассердился, когда к его жене допустили «литератора Фомина, бедного, бесталанного надоедателя», приводит слова Н.Н. Пушкиной о том, что ее муж в свое время составил на этого Фомина «брошюру, направленную против Булгарина». Модзалевский исправил ошибку Анненкова, указав на то, что «Пушкина, по-видимому, спутала Фомина с А.А. Орловым» [26, т. 3, с. 452–453]. Но эта ошибка памяти представляется значимой в контексте рассматриваемой нами темы: можно говорить о своего рода эстафете «лубочных» авторов в русском литературном баснословии — от Патрикееича до Фомина и А.А. Орлова. Примечательно, что Взятковский немедленно подхватил пушкинскую шутку, сообщив ему в письме от 11 сентября 1831 г., что накануне «у новорожденного Дмитриева читали мы Косичкина и очень смеялись»: «Я ничего не знал о нем потому, что живу в деревне и не велел присылать себе никакого вздора, следовательно и Телескоп. Дмитриеву минуло вчера 71. Славная старость. Он тебя очень любит и очень тебе кланяется. Вчера утром приходит к нему шинельный поэт и, вынимая из-за пазухи тетрадь, поздравляет его: Дмитриев, занятый мыслью о дне своего рождения, спрашивает его: а почему Вы узнали? — Шинельный поэт заминается и наконец говорит: признаться, вчера в газетах прочел. Дело в том, что он поздравлял с Варшавою и принесил оду Паскевичу» [26, т. 3, с. 401]. Нет никаких сомнений, что этим «шинельным» гостем Дмитриева был упоминавшийся выше надоедливый «уличный» поэт Фомин (функциональная «реинкарнация» Патрикееича в 1830-е гг.) — тот самый (по крайней мере, по Модзалевскому) литератор, который потом навесил Пушкина и выманил деньги у его молодой супруги (в делах опеки над детьми Пушкина находится счет Фомина на проданные им А.С. Пушкину старые книги).

стихотворцев — беззаботным, безденежным, нетрезвым и несчастным «пиитическим пролетарием», на которого образованная элита смотрит свысока, но и не без своего рода антропологического любопытства. Как писала Л.Я. Гинзбург в статье о «сервильном» поэте второй половины XVIII в. Василии Рубане, за таким «утилитарным стихотворством вырисовывается социальное лицо автора — лицо литературного наемника и разночинца» [12, с. 422]. Постараемся его рассмотреть поближе.

Явление Патрикеева

Вопреки свидетельствам современников, исследователи, писавшие о «Послании к Ямщикову» Д. Фонвизина, склоняются к тому, что его адресат имеет чисто литературный характер. Так, в 1914 г. В.П. Семенников связал загадочного Ямщикова с героем упоминавшейся Николаем Новиковым фонвизинской сатиры «Матюшка-разнощик» (текст последней затерялся). Исследователь обратил внимание на следующие стихи из «Послания к творцу послания» литературного недруга Фонвизина А.С. Хвостова:

Особым ты пером и кистию своею
 Как яблочник писал к разнощику Матвею,
Задумал пошутить, и унтер-офицер
В минуту сделался проказ твоих пример,
Которым для затей так счастлива жеріоба,
Благословенная соделалась утроба [30 с. 73].

Из этих стихов В.П. Семенников сделал вывод, представляющийся нам весьма произвольным:

Фонвизин задумал шутивно описать («пошутить»), «как яблочник писал к разнощику Матвею», и в результате — «в минуту» был выведен какой-то унтер-офицер, являющийся примером литературных «проказ» Фонвизина. Значит, этот унтер-офицер фигурирует в «Матюшке-разнощике» [30 с. 73].

Более того, Семенников предложил считать отрывок из «Послания к Ямщикову» фрагментом не дошедшего до нас «Матюшки», которого он датировал 1761 г.: «В таком случае этот “Матюшка”, вероятно, и есть выведенный в послании “пиита, философ и унтер-офицер”»

[30, с. 74]¹⁴. С уподоблением Ямщикова жихаревскому Патрикеичу, жившему еще в начале XIX в., Семенников категорически не согласился, ибо «очень трудно допустить, чтобы этот Патрикеич в течение целого полу столетия был каким-то уличным стихотворцем» [30, с. 74]. По мнению ученого, под именем «Ямщиков» скрывался «кто-нибудь из писателей 60-х гг., но кто именно, на основании сохранившегося отрывка, сказать невозможно» [30, с. 74].

В свою очередь, Алоис Стричек полагает, что «фамилия Ямщиков вызывает ассоциацию с конюшной, автор возносит гимн утробе, которая ожеребилась этим чудом природы». Действительно,

---

¹⁴ Позволим себе предложить иную гипотезу (безусловно, нуждающуюся в отдельной разработке). Вяземский в 1844 г. опубликовал приведенный стих из послания А.С. Хвостова в такой транскрипции: «Как *яблонишник* писал разнощику Матвею». В примечании к этому стиху публикатор указал, что автор имел в виду «*Послание к Матюшке разнощику*» (Послание к творцу посланий, или копия к оригиналу // Библиотека для чтения. СПб., 1844. Т. 63. С. 28). Рукопись хвостовского послания к Фонвизину не сохранилась, но можно допустить, что «яблонишник» в авторском тексте писался не с маленькой, а с большой буквы. В таком случае загадочное «Послание к Матюшке» может быть одним из нецензурных сатирических посланий знаменитого Ванюшки Яблонишника (Ивана Даниловича), среди корреспондентов которого был, в частности, некий Матвей Хуйдашев. Соответственно, «особое перо» и «кисть», о которых говорит Хвостов, может означать в таком случае образ, встречающийся в русской непристойной поэзии («пером владеет как елдой», «О! Если б кисть мою в нея [т. е. в «раквину» Книгини-Венеры. — *И.В.*] я обмакнул»). Как пишет Андрей Зорин, в посланиях Яблонишника «отражены нравы и фольклор полубогемной петербургской компании того времени, имевшей как аристократический, так и плебейский состав. При всем площадно-кабацком характере своего остроумия тексты, группирующиеся вокруг фигуры Ивана Даниловича, существенно уступают основному массиву барковьяны по части грубости и откровенности» [13, с. 7]. Некоторые послания Яблонишника (который «честь ваша, шит и царь / такая ж пьяная как вы, и гнусна тварь») весьма сатиричны и созвучны фонвизинским. Например: «В полиции судьи что деньги с нас берут / по улицам бурлить валяться не дают». Интересно, что имена Олсуфьева и Фонвизина находятся в одной обойме в полемике об авторстве «анонимно напечатанного памфлета, направленного против купца-старовера В.А. Чупятова» (в свою очередь связанного с циклом об Иване Даниловиче). Бьянка Сульпассо пишет, что «помимо общности тематики и вкуса к реалистичным подробностям», этот текст «связан с “Циклом Ивана Даниловича” упоминанием имени Олсуфьева и, таким образом, с общим историческим контекстом». Более того, «на протяжении многих лет было три основных кандидата на его авторство: Фонвизин, Чулков и сам А.В. Олсуфьев. К авторству Олсуфьева склонялся П. Вяземский, которому Пушкин сообщил о памфлете, озаглавленном “Аввакум скитник”, написанном Фонвизинным» [40, с. 55–73]. Иначе говоря, не является ли затерявшееся послание Фонвизина к «Матюшке-разнощику» неизвестной нам частью цикла посланий Ивана Даниловича Яблонишника? Как связано оно с отрывком из «Послания к Ямщику» (соблазнительно зияющим купюрами) — другой вопрос. Я думаю, что это разные, хотя и принадлежащие одной традиции тексты. Достаточно обратить внимание на сходство лирического героя последнего с характеристикой Яблонишкова в цикле: «пьяница, проказник, враль, купец, / картежник и рифмач, безграмотный хитрец», «чужих детей отец, глубокой богослов, / расказщик, суевер, квасник и философ», «глава, краса и честь забавных дураков, / вот ванька яблонишник, данилыч наш каков» [40, с. 58].

в контексте русской сатирической и комической традиции XVIII в. имя адресата фонвизинского послания звучит как говорящее (т. е. специально придуманное): грубоватые, нетрезвые, бесшабашные и удалые ямщики — частые герои произведений, обыгрывавших, в числе прочих мотивов, «*ямщикий вздор*» и «*мужицкой бред*». «Что же касается Ямщикова, — заключает Стричек, — то из воспоминаний современников мы ничего не могли о нем узнать. Настоящая ли это фамилия или прозвище? Не известен поэт, сколько-нибудь напоминающий Ямщикова» [35, с. 126].

Между тем мы имеем дело с совершенно реальной фамилией (по удивительному совпадению вписавшейся в традицию изображения неотесанного ямщика) и, скорее всего, реальным лицом, полностью обойденным вниманием исследователей.

Так, в примечании Николая Остолопова к стиху «Завидую тебе, о Патрикеевич! доле!» из упоминавшейся выше сатиры Марина, перепечатанной в третьей части «Словаря древней и новой поэзии» (СПб., 1821), говорится, что это «[и]мя невымышленное»:

Патрикеевич умер недавно; он писал много, но более известен сочинением: Скворец с курантами, Драма, в трех действиях с осмужкой (с. 106).

Идентифицировать этого автора помогают опубликованные в начале XX в. воспоминания Екатерины Федоровны Юнге, дочери графа Ф.П. Толстого. Приведем соответствующий отрывок из этих мемуаров:

Из последних [«вольнопрактикующих шутов» екатерининских времен, — *И.В.*] известный всему Петербургу *Тимофей Патрикеевич Ямщиков*, про которого Державин [Фонвизин! — *И.В.*] сказал:

Натуры пасынок,
Чудес ея пример,
Пиита, философ
И унтер-офицер.

Ямщиков подносил свои стихи юмористического содержания разным лицам, причем была приписка в конце: а мне за труды следует «синяшка» или «краснушка» или «белянка», смотря по состоянию

того, кому подносились вирши¹⁵. Он подносил свои оды и послания митрополиту Платону, Потемкину, Безбородке. В стихотворении, поднесенном маленькой Наде Толстой, были следующие строки:

Две ручки, как тучки,
Сходятся и расходятся
и при своем лучезарном корпусе
Находятся» [38, с. 144].

В основе воспоминаний Е.Ф. Юнге лежали мемуары ее отца, известного художника графа Ф.П. Толстого, полностью опубликованные в 2001 г. В них Толстой сообщал, что «отставной армейский унтер-офицер» Тимофей Патрикеев Ямщиков «имел вход во все дома, не исключая и самых знатных вельмож, всем подносил свои уморительные стихи во всех формах поэзии и одно смешнее другого по своей глупости»:

Над ним смеялись, его дурачили - и давали требуемые им деньги. Окроме од, посланий и других стихов, он написал объяснение, почему разные размеры стихов так называются. Например: «Александрийские стихи называются так потому, что пишутся во весь александрийский лист»¹⁶. Он часто бывал и у нас и подносил стихи не только родителям и старшей сестре, и меньшей даже, четырехлетнему ребенку, из которых я помню три следующие строчки (см. выше. — *И.В.*) [15, с. 51].

Среди сочинений Патрикеева, вспоминал Ф. Толстой, была также трагедия «в семи действиях с осьмушкой» [15, с. 51].

Замечательно, что о виршах Патрикеева помнили вплоть до конца 1850-х гг. Так, приведенные выше очаровательные стихи о ручках Наденьки Толстой (достойные пера Николая Олейникова), в слегка измененной форме, приводятся в напечатанной в «Русском вестнике» повести Е. Нарской (псевдоним писательницы княжны Н.П. Шаликовой — дочери известного сентименталиста и свояченицы редактора журнала М.Н. Каткова):

¹⁵ Граф Ф.П. Толстой уточнял в своих мемуарах, что «синяшка, красняшка и беляшка по цвету красок означали 5-, 10- и 25-рублевые ассигнации».

¹⁶ Александрийский лист здесь означает высший сорт бумаги большого формата (das Royalpapier).

— А вот вам еще quatrain, продолжал Ваня (он так любил смех Клавдии)? — Слушайте:

Ваши ручки
Как две тучки
Сходятся, расходятся
И при корпусе находятся.

— Бесподобно! проговорила смеясь Клавдия [24, с. 148–149].

Возможно, что слухи о легендарном унтер-офицере, пиите и философе нашли отражение в образе отставного штабс-капитана Игната *Тимофеевича* Лебядкина в «Идиоте» Достоевского (достаточно вспомнить его стихи о ножке).

Наконец, на основании воспоминаний Е.Ф. Юнге, русская писательница, скрывавшаяся под псевдонимом Ал. Алтаев, «материализовала» образ Патрикеева в своем историческом романе «Пасынки Академии» (публ. 1961), где описывается литературный вечер у Толстых, на котором присутствуют поэт Федор Глинка и баснописец Крылов. Приведем этот фрагмент целиком:

У бильярда, на середине комнаты, кончили стучать шарами. Федор Николаевич Глинка, маленький, худенький, черненький — «совсем блошка», говорила про него смешливая Машенька, — не дал, видно, спуска своему партнеру — стихотворцу еще екатерининских времен. Федор Николаевич считал себя большим поэтом и любил всех поучать. А старик Тимофей Патрикеевич всю жизнь мастерил вирши «на случай»: восшествия на престол, именин высоких особ или получения ордена... За это ему платили кто «красенькую», кто «синенькую» — рублей десять или пять, а то и «трояк», смотря по достатку, и приглашали пообедать, поужинать. Зато истинное утешение он доставлял главным образом неприятательным вдовам своими надгробными эпитафиями и очень гордился этим.

Глинка снисходительно спрашивал:

— Что же ты пишешь теперь, дружок?

— Трагедию, — тоже не без чувства собственного достоинства ответил Патрикеевич, — александрийскими стихами. Ибо стихи такого рода следует писать только во весь александрийский лист.

Кругом улыбнулись такому своеобразному определению формы стихосложения.

— А сколько действий в твоей трагедии? — продолжал расспросы Глинка.

— Семь действий с... одной осьмушкой.

Машенька едва удержалась, чтобы не фыркнуть.

Крылов спокойно посмотрел на обоих из своего уголка и бросил вполголоса Толстому:

— Вот она, житейская истина. Один в благополучии, а другой, почитай что, в нищете. И оба равно плохие поэты.

— Да-с, — с гордостью проговорил Тимофей Патрикеевич, — началом сей трагедии я самым великим Державиным был отмечен в оное время.

— Ох-ох-ох! — вздохнул на весь кабинет Крылов. — И каждой-то зверушке найдется на земле место...

Он закрыл глаза и точно погрузился в привычную полудрему [2, с. 347].

Не можем удержаться от соблазна указать на историческую иронию (ироническую рифму), связанную с этим описанием. Ал. Алтаев — псевдоним писательницы Маргариты *Ямщиковой* (1872–1959). Ямщиковой она была по мужу, от тирании которого в свое время убежала (без паспорта и вещей) с маленькой дочкой¹⁷. Видимо, фамилия Патрикееича, приведенная в воспоминаниях Е.Ф. Юнге, обратила на себя внимание писательницы, таким странным образом посмеявшейся над своим ненавистным супругом.

Скворец с курантами

Следует заметить, что, по крайней мере, одно произведение легендарного Патрикееича было известно библиографам с начала XX в. Через год после того, как В.П. Семенников опубликовал свою заметку о Фонвизине и Патрикееиче, в журнале «Искусство и театр» вышла статья «Выставка памятников русского театра. (Собрание Л.И. Жевержеева)», включавшая раздел «Неизданная драма 1796 года». Здесь сообщалось о том, что среди наиболее ценных экспонатов XVIII в. в коллекции Жевержеева находится рукописная пьеса-буффонада «с красочными рисунками от руки очаровательных гротесковых сцен» (в рукописи отсутствовало несколько листов) [9, с. 994].

¹⁷ Биографы писательницы пишут, что «молодая женщина поняла, какую трагическую ошибку она совершила», выйдя замуж за студента Андрея Ямщикова: «Муж не сумел стать ее подлинным другом. Ему были чужды ее литературные занятия, он уничтожал ее рукописи и слышать не хотел, чтобы жена продолжала свой писательский труд и была независимым от него человеком. Маргарита Владимировна никогда не мирилась с принуждением» [20, с. 8].

Этот «рукописный отрывок не бывшей в печати драмы» называется «Постоянная любовь с курантами Скворца. Курьёзно-сурьёзная драма. В трех действиях с осьмухою в стихах, с балетами и хорами на Греческие манеры». «Драмма», престранное название которой мы

объясним далее, была поставлена в первый раз в Санкт-Петербурге в 1796 г.¹⁸. Совершенно очевидно, что это та самая «трагедия с осьмухою», которую упоминает в своих мемуарах граф Ф.П. Толстой.

В статье в журнале «Искусство и театр» был воспроизведен титульный лист этого произведения, украшенный акварельным рисунком с загадочной подписью: «Изображение Скворца с курантами. Не любящего заниматься: пустыми финты-фантами».

Титульный лист
(«жевержеевская» копия)

¹⁸ Л.И. Жевержеев. Ф. 247; 25 ед. хр.; 1796–1941. Рукопись значителен как сочинение неизвестного автора. О популярности этой балаганной пьесы свидетельствует тот факт, что в архивах сохранилось несколько списков последней. В Библиотеке Академии наук имеется рукопись в обложке из мраморной бумаги, озаглавленная «Тимофей Ямщиков. Постоянная любовь с курантами скворца» (1.5.22; поступила в составе собрания Ф.А. Толстого в 1854, очевидно, в числе пожертвованной купца А.П. Алексеяева, купившего после смерти графа у его наследников более 400 рукописей). Любопытно, что в описи она следует сразу за списком фонвизинского послания к слугам (Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 4, вып. 2. Стихотворения, романы, поэмы и драматические сочинения. XVII — первая треть XIX в. (Составитель И.Ф. Мартынов). Ленинград, 1980. С. 74–75). В «Описи старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Щукина» (т. 1, с. 348) упоминается поступивший из библиотеки Алябьевых «Сборник Стихов 1801 года», писанный скорописью, в состав которого вошли «Постоянная Любовь, драма Т.П. Ямщикова» и «Экспликация или истолкование аллегорических слов». Список драмы «Постоянная любовь» имеется в собрании рукописей Научной библиотеки им. Н. Лобачевского в Казани [3, с. 96, ед. хр. 2202].

Далее шла колоритная «Дидикация»:

Вот вам, государи мои, для потехи
Представляются здесь игры и смехи.
И есть ли они не сделают в карманах ваших помехи,
То сочинителю дайте что-нибудь на орехи.
Стихи в драмме сей, кажется, весьма не плохи,
И сочинитель предлагает здесь последняя ума своего крохи.....
[9, с. 994].

Действующими лицами драмы названы Крепкоумов — «заслуженный офицер; к тому же и сочинитель», Розолия (sic!) — любовница Крепкоумова, Тугокарманов — отец Розолии (sic!), Тугокарманова — жена его; Помогалов — друг Крепкоумова, Разстройкина — жена Помогалова, Подъезжалов — будущий жених Розолии, а также Слуга.

В сообщении об этой драме были приведены уморительные выдержки, вроде следующих:

Склонись, дражайшая! на мой унылый глас¹⁹:
Согласие твое мне будет слаще, нежели ананас.

<...> Скажись больною ты: и головку подвяжи,
Брюшко свое сожми,
И тем догадки всех умов затми;
Хотя от того восстанут бурны ветры,
Но пренебрегай ты их, спустя душисты петиметры.
Так медики велят..
Сильных духов в себе неудержать [9, с. 994].

По словам автора статьи, эта «курьюзо-сюрьюзная драма» «весьма характерна как памятник быта екатерининской эпохи, когда манией театрального сочинительства, с легкой руки Екатерины, обуреваемы были многие, едва умевшие лепетать вирши». Но если «богатые вельможи устраивали в своих поместьях и дворцах домашние театры, выступали музыкантами в оркестрах», то «мелкие чиновники кропали пьесы», и «эта страсть стала настолько

¹⁹ Не является ли этот выпененный стих пародией на соответствующие строки из барковского «Дурносова и Фарносова»: «Сердечным пламенем несчастной весь горю, / Устами я воплю, не ж...й говорю: / Склонись, дражайшая, склонись в любовь и верность, / Почувствуй штанную мою к тебе усердность»? URL: <https://facetia.ru/node/4193> (дата обращения: 10.10.2021).

заразительной и распространенной, что начали высмеивать с сцены “канцеляристов Чернилиных”, из-за театра вовсе отбившихся от службы, и “мещан Петуховых”, занятых, вместо дела - домашними спектаклями» [9, с. 994]²⁰.

Драма о скворце, написанная, по всей видимости, для «публичного» театра под управлением полицейского ведомства, упоминается и цитируется по полной ее рукописи из БАН в книге В.Д. Кузьминой «Русский демократический театр XVIII века» (1958). Представленная в первый раз в Петербурге в 1796 г. пьеса, как полагает исследовательница, была «сложена среди офицеров-преображенцев (сохранившийся список на бумаге 1805 г. поступил в отдел рукописей из библиотеки Ф.А. Толстого)» [19, с. 197]²¹.

Не останавливаясь на содержании пьесы (расстроенная женитьба заслуженного офицера и сочинителя Крепкоумова на дочери купца Тугокарманова Розолии), Кузьмина в своем кратком комментарии обращает внимание «только на те элементы, которые свидетельствуют о несомненном знакомстве автора со зрелищами “площадных театров”». Так, в стихах Крепкоумова «И пад к ея ногам / Не покоряясь никаким языческим богам» исследовательница справедливо усматривает вариацию стихов из популярной народной драмы о царе Максимилиане и его сыне Адольфе («Нет, я по-старому ваши кумирческие боги / Подвергаю под свои ноги»). Само произведение Скворца, подчеркивает исследовательница, «написано раешным стихом» и начинается с «гаерского пролога». В финале потешной пьесы Крепкоумов (видимо, альтер эго самого автора, исследовательнице, пользовавшейся списком из Библиотеки Академии наук, не известного) просит зрителей, в соответствии с законами жанра, «глупости наши извинить» [19, с. 197].

Пронзительная хохонюшка

Нам удалось познакомиться с текстом этой драмы в двух списках, относящихся к началу XIX в. Сразу следует заметить, что и «бановская», и «жевержеевская» рукописи (последняя хранится в петербургском музее Театрального искусства: СПбГМТИ ГИК. # 4063/1) включают в себя уморительную «Экспликацию или истолкование аллегорических слов и выражений, помещенных в сей

²⁰ «Чернилины» и «Петуховы» - отсылка к героям «мещанской комедии» Я.И. Благодарова «Смешное сборище» (1790).

²¹ Заметим, что один из «почитателей» Патрикеича С.Н. Марин служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Возможно, что он был знаком с Т.П. Ямщиковым.

драмме». Из этой экспликации следует, что «с *Курантами скворец*: значит ученой человек» (таким образом разъясняется не только часть названия пьесы, но и подпись к рисунку на титульном листе, изображающему ее сочинителя, – не самого ли Ямщикова?). В числе других аллегорий указаны *Паркерсон* («бывший в Преображенском полку штаб-лекарь»), *Миллионюшка* («милая моего сердцу»), *Блафонюшка* («зонтик от дождя и солнца»), *В сердце наставить плошки* («высокая аллегория», означающая «обрадовать и осветить сердце во мраке недоверенности»), *Нелюбящая альянцов богатырка* («ненавидящая праведной любви»), *в мозгу иметь оковы* (не иметь порядочного понятия о сурьезных и курьезных делах»), *Иосиф Флавий* («писатель жидовской истории»), *Быть спелой сливой* (то есть «быть замужем»), *Вкус иметь к жареным котлетам* («быть разборчиву во вкусе»), *Иметь такой разумок как астраханская дыня* («человек обширного разума»), *Пурганция* («лекарство от любви»), *Украсить камеру русыми власами* («быть Венере во всем покорну»), *Душистые петиметры* («благоуханные ветры»; см. соответствующую цитату из драмы выше), *Сердечный салат* («благоразсуждение физическое и моральное») и совершенно замечательная *Пронзительная хохонюшка* («то же, что радость, утехи, веселие и смех»). Есть в этом словарики также *Прескверная грыжа* («презрения достойный человек»), *Потрясса парик* («разумеется испугаться»), *Душевной збитень* («моральное нравоучение для души»), *Душистая помада* («мазь для влюбленного сердца»), *Речной судак* («робкая душа»), *Любовный мак* («ничто иное, как усыпление в любви»), *Рыба-кит* («смирной и кроткой человек») ²² и феерическая *Пустая Бененота* («самохвалка») (л. 17–19) ²³.

Экспликация завершается раешным обращением к исполнителям драмы:

Всем Актерам моя нотация,
 Чтоб прочтена была сия экспликация
 Пред начатием прямаго действия,
 Чтоб зрителям могла служить в понятиях во предместие (л. 19).

²² Ср. слова Крепкоумова: «Я обещаюсь отныне любовь мою забыть / И буду кроток и смирен, как морская рыба Кит».

²³ «Ты настоящая пустая бененота / И выдаешь себя в разсудке за обермота». Здесь и далее мы цитируем драму по «БАНовскому» списку с сохранением орфографии и пунктуации текста.

Текст драмы снабжен сносками на аллегорические дефиниции, приведенные в комментариях — «экспликации»²⁴.

Нет никаких сомнений, что граф Д.И. Хвостов, рассказывая анекдот о Патрикеиче-Ямщикове и докторе Роджерсоне, имеет в виду именно эту гаерскую драму «под качелями» (в Петербурге XVIII–XIX вв. в праздники устраивались гуляния и игрища с балаганами, «русскими горами» и качелями, сооружавшимися на Марсовом поле, Адмиралтейской и Дворцовой площади). Действительно, первое явление пьесы Ямщикова открывается описанием чудесного сна главного героя, сидящего «ф шлафроке и колпаке» «в креслах в мрачной задумчивости», которое цитирует по памяти Д.И. Хвостов (примечательно, что последний вписал первые стихи драмы в жанр великосветского анекдота: у Ямщикова сон видит не лейб-медик императрицы Роджерсон, а рифмующийся с ним какой-то штаб-лекарь Преображенского полка):

*Какой я видел сон! О! преужасный сон!
Чудиться б ему мог и самый Паркерсон.
Хотел бы я узнать,
Ктоб мне мог в существе его изтолковать?
Представилось мне,
Не на яву, а во сне,
будто стою против дому,
И меня предстоящими туда зовому,
К возлюбленной моей Розолушке,
К бесценной моей Милюнушке.
В туж минуту подошел к окну стремительно,
И стало для меня весьма убедительно,
С разпущенными власами
Смотреть на меня быстрыми глазами.
В какой я был тогда радости и восхищении
И в несказанном нашел себя смущении... (л. 3)²⁵*

²⁴ Таким образом разъясняются широко употребляемые в пьесе «снижающие» сравнения: «утоплю тебя, как муху в чаю», «рассудок, как астраханская дыня», «ежится, как речной судак», «наказать сего влюбленного Вулкана, похожего во всем на калмыцкого барана» (см.: [19, с. 199]).

²⁵ Свой сон Крепкоумов воспринимает как вещей и поэтический: «Может быть авантажная Муза моя / Тихонько мне на ухо поя / Желая меня предварить / Чтоб внезапно сердце мое огнем не спалить / Представило мне оной Сон во сне / Так ясно как лотки плывут по реке Десне». Последний образ по-своему замечателен.

Что касается странного указания в названии пьесы на балеты и хоры «на греческие манеры», то речь здесь идет о включенных в нее музыкальных номерах, когда актеры, «*приплясывая на греческия манеры, припевают полным хором*» «заумные» вирши (приводим их по жевержеевской рукописи):

Доста
Мардоста,
Деста демандилий;
Иссе поликари (л. 6)²⁶.

Танец и хор «в греческой манере» («жевержеевская» копия)

В хранящейся в БАНе полной рукописи драмы (в количестве 20 листов) эти заумные строки даны в другом варианте:

²⁶ Эта «заумная» песенка, по всей видимости, представляет собой отголосок знаменитого поющего и пляшущего шествия «турок» в «Мещанине во дворянстве» Мольера: «Се ти сабир, / Ти респондир; / Се нон сабир, / Тацир, тацир...», «дара, дара, бастонара» (пер. В. Лихачева). Рефрен «деста — доста» встречается в старинной песне македонских болгар «Нена и Юда» (Българска старина: повремено списание издаваемо в неопределено время. Букурешт, 1865. Кн. 1. С. 168).

Доста мардоста
Дай мне рублей до ста
Доста димандрилий
Естли б заплатили
Исса поликарий
Мне государи (л. 6, л. 11).

К этому куплету в драме дается пояснение в стихах:

Вот перевод
Греческого хора,
Я кладу вам в рот
А вы кричите фора, 3 раза
Дав сто рублей скоро. 3 раза (л. 6).

Наконец в этой рукописи обнаруживается и уже известный нам по воспоминаниям Толстых и повести княжны Шаликовой мадригал о ручках. Только здесь он адресован не четырехлетней Наденьке Толстой, а прекрасной Розолии, «носок»-Комету, «роток», наполненный жемчужными зубами, «бородку», подобную смарагдовым лучам, «субтильны груди» и другие прелести которой воспевают г-н Крепкоумов в лирическом монологе «Огромное здание природы краса неизреченна...»:

Прекрасны твои ручки
Равно как две светлыя тучки
Сходятся и расходятся,
А все таки при стройном корпусе твоём находятся.
Когда погляжу на милья твои локотки
Тогда облизываюсь и делаю Глодки
А когда посмотрю на прелестныя твои ношки
Тогда не могу видеть ни крошки
Высокие твои клаблучки
Мои плутовочки, и т.д. (л. 4–5).

На эту лирическую живопись, достойную царя Соломона, Розолия отвечает изящным комплиментом:

Премудрая ты тварь наш С курантами Скворец
Что доказывает тем что ты замысловатых дел Творец (л. 5).

Но самое замечательное заключается в том, что автор драмы об умном Скворце с курантами *цитирует в ней... ту самую сатиру на Ямщикова (то есть на себя самого), с которой мы начали наш поиск Патрикеева*. И не только цитирует, но и по-своему отвечает на нее. В шестом явлении первого действия язвительная госпожа Разстройкина обращается к г-ну Крепкоумову (Ямщикова несколько раз приводит эту фамилию в написании «Крепко-умов»):

Я хотела вам показать
 Что я гаразда и стихи писать
 Я целое утро сим занималась
 И вот что из гоовы моей выливалось

(вынимает из кармана бумажку и читает с критической насмешкою)

*Натуры пасынок проказ ея пример!
 Пиит и филозов и обер-офицер!
 Вот участь лестна<я?>, блаженна та утроба
 Котора некогда тобой была жеріоба! ха, ха, ха, ха*

Что господин Крепкоумов каковы мои стишки
 Не делают ль они в уме вашем прышки! (л. 5)

На эти стихи «Крепко-умов» отвечает своими:

Не худы сударыня, ей ей не худы!
 От них почти ослабли все мои уды
 Но позволте матушка и свои вам показать
 Которы поутру я старался написать

(вынимает из пазухи и читает с политическим видом)

Тебе ль несмышленная нашатырка
 Нелюбящая аліанцов богатырка²⁷
 Над протчими умами хитрить
 И собою мудрить
 Стихи замысловатыя вымышлять
 И таковым даром промышлять

²⁷ Напомним, что, согласно экспликации, «нелюбящая альянцов богатырка» означает «ненавидящая праведной любви».

Твое дело песни петь
Да на печи сидеть
Еще сказки врать
И за них по грошу брать, ха, ха, ха, ха (л. 5).

В ответ на эту контр-сатиру возлюбленная Крепко-умова Розолия хлопает в ладоши и восклицает:

Браво, браво, браво
Отделал ты ея к поправлению здраво (л. 6).

В свою очередь, вредная г-жа Разстройкина решает отомстить Крепкоумову за его «едкую Сатиру», выставившую ее «в посмешище всему пространному Миру». Дабы прикрыть свое негодование, она принимает «на себя веселый вид / чтоб он не мог издеваться как Иосиф Флавий жид», и противопоставляет злоязычному Крепкоумову богатого и знатного Подъезжалова:

Забудь Крепкоумова Страсть
Которая вся имела над тобою власть.
Он тебе нимало не в пару
Хоть и много в нем жару
Он стар, угрюм, к тому ж безроден
И потому в мужья тебе совсем не годен
А Подъезжалов в цветущих еще летах
И имеет большой вкус в жареных котлетах (т. е., согласно
экспликация к драме, человек со вкусом. — *И.В.*) (л. 8).

Полагаю, что приведенный выше выпад Крепкоумова против злоязычной Разстройкиной вполне можно считать своеобразным ответом на фонвизинское послание начала 1780-х гг., направленное против Тимофея Патрикеича Ямщикова. Фонвизинский мотив (в передаче Жихарева) звучит и в монологе оскорбленного Крепкоумова:

Я вижу что вы собрались меня кретиковать (так! — *И.В.*)
И как неприятеля разсудок мой атаковать
Но вопрошу вас кого вы тем изволите забавлять
Не сказать ли вам нотацию
Которая превосходит всякую нацию
Кто столпотворению себя уподобляет
Того натура пустые замыслы всегда опровергает (л. 10).

(Ср. «эпиграмму» против Фонвизина, приводимую по памяти Жихаревым: «Открылся некий Дионистр (т. е. Денис) / Мнимый наместник и министр, / Столпотворению себя уподобляет»).

Показательно, что в финале драмы о Скворце ее главный герой произносит длинный монолог, в котором защищает достоинство стихотворца, обращая в свою пользу колкости зоила:

Куплю себе овечку
 Подобно во всем милому моему сердечку
 Котору стану куртизанить
 И любовным сыром пармазанить <...>
 Лучшее мое упражненье да будет авторство
 Пушусь для всех людей в глубокое мытарство (?)
 Стану писать в стихах и прозе
 Чтоб не чувствовать тартарского хлада по морозе
 Пушусь я писать эпиграммы
 Забавны или полезны драммы
 Поемы и цедульки
 Приличные и прекрасные Федорульки (?)
 Примусь писать я надписи и стансы
 Пусть дивятся им и дикие американцы²⁸
 Во всем я уподоблюсь с курантами Скворцу
 И не поддамся никогда насмешливому бойцу
 Я буду жить как филозоф
 Которому да удивится весь Азов
 А вы мои любезны Государи
 Будьте так любезны как молдавские Господари
 Забудьте всю прошедшую досаду
 И примите сие за любезного здания вашего Фасаду
 Не меньше ли (?) и вы почтенные зрители
 Которые в любовной неудачи моей свидетели (л. 17).

Не будет преувеличением сказать, что курьезно-серьезная драма «уличного стихотворца» Ямщикова завершается превращением ее протагониста, несчастного любовника-остроумца (в своем роде предшественника Александра Андреевича Чацкого), в меланхолического поэта-изгоя, развлекающего гогочущую публику своими «худыми трелями» под аккомпанемент греческого хора «доста-мардоста рубликов до ста»:

²⁸ Находящийся в настоящий момент в штате Нью-Джерси автор этой статьи в самом деле дивится приведенным пророческим строкам.

И пустимся паки
 Как гончия собаки
 В Греческие хоры
 И тем закончим сии курьезно-сурьезные вздоры (л. 16).

Введение в биографию (открытый финал)

Возникает закономерный вопрос: не был ли замечательный создатель этой потешно-печальной драмы, ученый «Скворец с курантами» Тимофей Патрикиевич Ямщиков литературной маской или «шутовской персоной» (пародической личностью)²⁹, характерной для той эпохи (см. нашу статью о «коллективном» непристойном поэте Панцербитере [6, с. 260–299]).

По всей видимости, не был. В «Петербургских ведомостях» за 1770–1772 гг. несколько раз упоминается некий *Патрекей Ямщиков*³⁰ — петербургский домовладелец и тутулярный советник (в сатирическом послании Фонвизина: «Блажен родитель твой, советник титулярный!»)³¹. 21 июля 1770 г. в газете помещено было объявление о продаже дома в Ораниенбауме «титулярного советника Патрекея Ямщикова» («о цене спросить в той ямской у него самого»). В 1771 г. сообщалось, что «по определению главного магистрата канторы Февраля 14 дня по полудни в 4 часа в аукционной камере» продан будет с публичного торгу «титулярного советника Патрекея Ямщикова дом с имеющимися в нем пожитками, состоящий в Ямской Московской слободе». В июне 1772 г. «Ведомости» сообщали о том, «[в] Ямской Московской титулярного советника Патрекея Ямщикова имеются для продажи четыре деревянные дома, из которых три двора постоянные, да пятый дом в Ораниенбауме с огородом; желающим купить, о цене спросить в тех домах, что в Московской Ямской». В другом объявлении говорится, что

²⁹ В именном указателе к переписке А.С. Пушкина «Патрикеич» трактуется как псевдоним.

³⁰ См.: <http://vedomosti.rasl.ru/?r=101&id=87588>. Патрикий Гаврилович Ямщиков. Ф. 286. Герольдместерская контора. Оп. 2.

³¹ В «Дополнениях к деяниям Петра Великого» Голикова приводится анекдот о добродетельном отце семейства Ямщикове, которого царь облагодетельствовал своим посещением. Последнее вспоминалось «потомками сих Ямщиковых» в конце 1780-х гг. (*Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России*. М.: В тип. Николая Степанова, 1843. Т. 15. С. 85). В Москве и Петербурге в конце XVIII в. жили купцы-старообрядцы Ямщиковы. Но в каком отношении к ним находится Тимофей Патрикеич, мы не знаем.

Сего Августа 25 числа по полуночи в 10 часу в Ямской Московской слободе продан бытъ имеет чрез аукцион по определению главного магистрата канторы титулярного советника Патрекея Ямщикова деревянной дом, также и движимое имение...³²

Не на это ли событие (распродажа отцовского имущества после его банкротства или смерти) намекает Фонвизин в своем послании: «обиженный судьбою...»?

Что касается самого Тимофея Ямщикова, то единственное упоминание о человеке с таким именем в интересующую нас эпоху мы находим в бумагах «Сенатского архива» от 17 декабря 1796 г. (самое начало законодательной деятельности нового императора, «перезаформатировавшего» екатерининскую уложенную комиссию в новый рабочий орган 16 декабря 1796 г.):

Титулярному советнику Тимофею Ямщику, находящемуся в комиссии о сочинении проекта нового уложения, под ведением нашим состоящей, повелеваем производить жалованья по двести рублей на год, включая в то число и тот оклад, что он ныне получает, и обращая оное ему в пенсию по смерти. <...> ПАВЕЛ. Копия. 186. л. 58 [31, с. 42].

Если это тот самый «бывший офицер», то из приведенного постановления следует, что популярный на протяжении нескольких десятилетий карикатурный образ Патрикеича как бедного *уличного* стихотворца весьма далек от реальности. Да и сам список адресатов его поэтических подношений — от митрополита до вице-канцлера империи — указывает на то, что он был, как вспоминал Ф.П. Толстой, вхож в высшие круги и знаком с некоторыми вельможами и культурными деятелями эпохи (другое дело, что последние относились к нему свысока и видели в нем своего рода шутовскую — гаерскую — реинкарнацию классического поэта-паразита).

Скорее всего непосредственным поводом к созданию литературной репутации Тимофея Патрикеича Ямщикова в петербургских «салонах» послужило не его потешное попрошайничество, но неумное стихолюбие (говорение виршами), опирающееся на скоморошью традицию нанизывания рифм и отвечающее неоклассическим представлениям о рифмоплете-приживальщике (карикатурный об-

³² См. ссылки по: «Газета «Санктпетербургские Ведомости» XVIII в.: Указатели к содержанию (1728–1781 гг.). URL: <https://www.vedomosti1728.ru/card.cgi?r=82&id=58503>

раз Пеллетье в сатирах Буало). Достаточно вспомнить в контексте представляемой им пиитической «школы» замечательное раешное прошение «Уму Умовичу, Павлу Петровичу» от кригс-комиссара Ивана Лузина — «человека несчастного, полупомешенного», но удостоенного, по легенде, замечательной резолюции императора, прочитавшего его вирши: «Выдать дураку 2000 рублей». Сравните финал этого прошения в стихах с гаерским финалом драмы о Скворце с курантами:

Сие доносит тебе Лузин
 Яко муж не искусен,
Истоцая ума своего крошки
Просит от щедрот твоих трошки [16, с. 644–645].

К этой балаганной традиции относятся и известные буйфонные вирши прекрасно образованного фельдмаршала Суворова (вроде знаменитых «Слава Богу, слава Вам! / *Измаил* взят и я там!»³³). По сути дела, старик Патрикеич принадлежал к ряду тех колоритных эксцентриков-рифмодеев, которыми была столь богата екатерининская и павловская эпохи.

Мы полагаем, что к социально-культурной антропологии осмеянного «соземцами»³⁴ «маленького автора» с его любовно-поэтической драмой следует относиться серьезно. Перефразируя В.Б. Шкловского, автора книги о современнике Тимофея Ямщикова, «самом знаменитом писателе» в истории русской литературы Матвее Комарове (создателе лубочной книги «Повесть о приключении английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы», 1782), сам факт существования сочинителя Патрикеича «перестраивает наше представление» о социальной структуре и динамике русской литературы XVIII — начала XIX вв. [37, с. 28]³⁵, вводя в последнюю образ поэта-гаера — вдохновенного армейского виршеплета, вышедшего на свет Божий из утробы «жеребой» «анти-поэзии» (в системе координат «высокой культуры») и несущего в мир свое простое слово, иногда окрыленное весьма нетривиальными рифмами, как маленький забытый островок, прекрасными рифами.

³³ Письма, писанные лаконичным штилем [...] Письмо Графа Суворова о взятии Измаила к Екатерине Великой // Московский курьер. Ч. 3. 1806. С. 27.

³⁴ Любимое словечко гр. Д.И. Хвостова.

³⁵ *Шкловский В.* Матвей Комаров, житель города Москвы. Л.: Прибой, 1929. С. 28.

Исследование «феномена Патрикеича» — это, так сказать, задача на будущее. Пока, увы, мы знаем крайне мало об этом колоритном участнике литературной и театральной жизни эпохи становления русской поэзии. Не известна нам и реакция на его произведения «низовой» аудитории, «площади» (или солдатской «казармы»), на которую он ориентировался в драме Скворца. Сейчас же мы даем торжественное обещание разыскать необходимую для его научного жизнеописания информацию и ввести в русский литературный пантеон — во плоти и крови — сего маститого и даровитого исторического предка тайно страдающих под своими «шинелями» стихотворцев Николая Ильича Фомина, Александра Пуговошника, выдуманного Достоевским штабс-капитана Игната Тимофеевича Лебядкина, вымышленного автора стихотворных военных афоризмов «для гг. штаб- и обер-офицеров, с применением к понятиям и нижних чинов» Фаддея Козьмича Пруткова (сына знаменитого сочинителя) и любезного сердцам отдыхающих советских бабушек лукавоминого старика Кабанова.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Собр. соч. Переводы: Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки, Книга Иова, Псалмы Давидовы. Киев: Дух і Літера, 2004. 488 с.
2. *Алтаев Ал.* Повести. М.: Детская литература, 1972. 542 с.
3. *Аристов В.В.* Литературные рукописи в Научной библиотеке имени Н.И. Лобачевского // Казань в истории русской литературы. Казань, 1972. Сб. 3. С. 95–102.
4. Библиотека литературы древней Руси в 20 т. / под ред. Д.С. Лихачева. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. 758 с.
5. *Виницкий И.* Синекдохос // М. Гронас, Б. Шерр (ред.). Лифшиц/Лосев/Loceff. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 210–223.
6. *Виницкий И.Ю.* HERR PANZERBITTER. Из истории русской коллективной поэзии конца XVIII — первой трети XIX века // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 260–299. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-18-260-299
7. *Виницкий И.Ю.* Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М.: НЛО, 2017. 349 с.
8. Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М.К. Азадовского. СПб.: Наука, 2005. 892 с.
9. Выставка памятников русского театра. (Собрание Л.И. Жевержеева) // Театр и искусство. № 52. Воскресенье, 27 декабря. 1915. С. 994.
10. *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: в 12 т. СПб.: Изд-е Графа С.Д. Шереметева, 1884. Т. 9. 1813–1852 гг.
11. *Гиллельсон М.И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 391 с.
12. *Гинзбург Л.* Неизданные стихотворения Рубана // XVIII век: Сб. статей и материалов / под ред. А. С. Орлова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. [Вып. 1]. С. 411–432.

13. Девичья игрушка, или, Сочинения господина *Баркова*. М.: Ладомир, 1992. 411 с.
14. *Западов А.В.* Из архива Хвостова // Литературный архив: материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. Т. 1. С. 359–407.
15. Записки графа Фёдора Петровича Толстого. М.: РГГУ, 2001. 319 с.
16. Из времен императора Павла Петровича (сообщено Николаем Петровичем Степановым) // Русский архив. СПб., 1873. Т. 11. С. 644–645.
17. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель. 1956.
18. *Кржжимская И.* Рукописное наследие Н. Сандунова. (Из истории русской литературы конца XVIII — начала XIX в.) // Русская литература. 1960. № 3. С. 137–144.
19. *Кузьмина В.Д.* Русский демократический театр XVIII века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 208 с.
20. *Летова Н., Летов Б.* Биограф и летописец минувшего // *Алтаев Ал.* Повести. М.: Детская литература, 1972. С. 5–20.
21. *Лотман Ю.М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту: ТГУ, 1958. 192 с.
22. *Люстров М.Ю.* Фонвизин. М.: Молодая гвардия, 2013. 318 с.
23. *Мазур Н.Н.* Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: полемические функции // Пушкин и его современники: Сборник научных трудов. СПб., 2009. Вып. 5. С. 141–208.
24. *Нарская Е.* Свободный выбор. Повесть // Русский вестник. Т. 17. М., 1858. С. 338–416.
25. *Пушкин А.С.* Письма к жене / изд. подгот. Я.Д. Левкович. Л.: Наука, 1986. 259 с.
26. *Пушкин А.С.* Письма: 1831–1833: в 3 т. М.: Academia, 1935.
27. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
28. *Сапрыгина Елена.* Неизвестные письма Александра Измайлова Николаю Грамматину // Губернский дом. Историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. Кострома, 1995. № 3. С. 45–47.
29. Сборник на 1838 год. СПб.: Тип. А. Воейкова и Ко., 1838.
30. *Семенников В.* Фонвизин и два стихотворения «Чертик на дрожках» и «Матюшка-разнощик» // Русский библиофил. 1914. № 4. С. 65–76. (отд. изд.: СПб., 1914).
31. Сенатский архив. Именные указы Императора Павла I. СПб., 1888.
32. *Симанков Виталий.* Д.И. Фонвизин как «российский Боало»: К истокам одной номинации в сатирических журналах Н.И. Новикова // Русская литература. 2020. № 2. С. 25–34. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-25-34
33. *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. Письма. М.: Правда, 1990. 541 с.
34. *Степанов В.П.* Poleмика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л.: Наука, 1986. Т. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 204–228.
35. *Стричек А.* Денис Фонвизин: Россия эпохи просвещения. М.: Прометей, 1994. 510 с.
36. *Шевырев С.П.* Дневник чиновника. Статья пятая. 1807-й год. // Отечественные записки. СПб., 1855. Т. СII. Отд. 1.
37. *Шкловский В.* Матвей Комаров, житель города Москвы. Л.: Прибой, 1929. 296 с.
38. *Юнге Ек.* Из моих воспоминаний. 1843–1860 гг. // Вестник Европы. СПб., 1905. Кн. 3.

39. Oeuvres de *Nicolas Boileau Despreaux*. Avec des éclaircissemens historiques, donnés par lui-même. A La Haye, 1729. T. 1.

40. *Sulpasso Bianca*. Страницы из неканонической истории русской литературы XVIII века: эволюция литературного образа старообрядца // *Toronto Slavic Quarterly*, no. 47. Winter 2014. P. 55–73.

Research Article

Old Man Patrikeich: An Introduction to the Cultural Biography of a Hack Writer at the Turn of the 19th Century

© 2022. Ilya Yu. Vinitsky

Abstract: In this essay I establish the real addressee of Denis Fonvizin’s satirical epistle to the very bad poet Iamshchikov and reconstruct the literary legend of this colorful character, seen in the context of the cultural history of the image of the untalented poor writer who imposes his works upon wealthy and influential patrons. I introduce an unknown work of Timofei Patrikeevich Iamshchikov called “The permanent love of the Starling clock. A curious-serious drama,” which was first staged in St. Petersburg in 1796. At the turn of the 19th century quotes from this curious work were cited by contemporaries as examples of “the apotheosis of stupidity,” and the figure of the poetaster Patrikeich became a comic symbol of poetic ugliness. The text of the comedy gives us a unique opportunity to hear the voice of Iamshchikov himself, as he formulated his creative credo of the “little author,” mocked by representatives of the literary elite. The fact of the existence of the writer Patrikeich changes our perception of the social structure and dynamics of Russian literature at the turn of the nineteenth century, introducing the image of the poet-clown, of an inspired army versifier who brings his own simple word into the world.

Keywords: Denis Fonvizin, Pyotr Viazemskii, Timofei Patrikeich Iamshchikov, Matvei Prickly, “hack writers,” “anti-poetry,” literary polemics of the late 18th and early 19th centuries.

Information about the author: Ilya Yu. Vinitsky — DSc in Philology, Professor of Russian Literature, Princeton University, Princeton, NJ, 08544, USA, former member of Gogol Group of Dr. Yuri Mann.

For citation: Vinitsky, I. Yu. “Old Man Patrikeich: An Introduction to the Cultural Biography of a Hack Writer at the Turn of the 19th Century.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 182–217. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-182-217>

References

1. Averintsev, S.S. *Sobranie sochinenii. Perevody: Evangelii ot Matfeia, Evangelii ot Marka, Evangelii ot Luki, Kniga Iova, Psalmy Davidovy* [Complete Works. Translations: Gospels of Mark and Luke, Book of Job, Psalms of David]. Kiev, Dukh i Litera Publ., 2004. 488 p. (In Russ.)
2. Altaev, A.I. *Povesti. [Tales]*. Moscow, Detskaia literatura Publ., 1972. 542 p. (In Russ.)
3. Aristov, V.V. “Literaturnye rukopisi v Nauchnoi biblioteke imeni N.I. Lobachevskogo” [“Literary Manuscripts in Lobachevsky Academic Library”]. *Kazan' v istorii russkoi literatury* [Kazan in the History of Russian Literature], issue 3. Kazan', 1972, pp. 95–102. (In Russ.)
4. *Biblioteka literatury drevnei Rusi: v 20 t. [Library of Old Russian Literature: in 20 vols.]*, vol. 14, ed. by D.S. Likhachev. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 758 p. (In Russ.)
5. Vinitskii, I. “Sinekdokhos” [“Sinekdokhas”]. Gronas, M., Sherr, B., editors. *Lifshits/Losev/Loseff*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, pp. 210–223. (In Russ.)
6. Vinitskii, I.Ju. “Herr Panzerbitter. Iz istorii russkoi kollektivnoi poezii kontsa XVIII – pervoi treti XIX veka” [“Herr Panzerbitter. From the History of Russian Collective Poetry of the Late 18th and the First Third of the 19th Centuries”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 260–299. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-18-260-299 (In Russ.)
7. Vinitskii, I'ia. *Graf Sardinskii: Dmitrii Khvostov i russkaia kul'tura. [Count of Sardinia: Dmitry Khvostov and Russian Culture]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 349 p. (In Russ.)
8. *Vospominaniia Bestuzhevykh [Bestuzhevs' Memoirs]*, ed. and comm. by M.K. Azadovskii. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 892 p. (In Russ.)
9. “Vystavka pamiatnikov russkogo teatra. (Sobranie L.I. Zheverzheeva)” [“Exhibition of Artefacts of the Russian Theater”]. *Teatr i iskusstvo [Theater and Art]*, no. 52, Sunday, December 27, 1915, p. 994. (In Russ.)
10. Viazemskii, P.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t. [Complete Works: in 12 vols.]*, vol. 9. St. Petersburg, Izdanie Grafa S.D. Sheremeteva, 1884. (In Russ.)
11. Gillel'son, M.I. *P.A. Viazemskii: Zhizn' i tvorchestvo [P.A. Viazemskii: Life and Works]*. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 391 p. (In Russ.)
12. Ginzburg, L. “Neizdannye stikhotvoreniia Rubana” [“Ruban's Unpublished Works”] issue 1: 19th Century: Collection of Articles and Materials, ed. by A.S. Orlov. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AS of USSR, 1935, pp. 411–432. (In Russ.)
13. *Devich'ia igrushka, ili, Sochineniia gospodina Barkova [Lass's Toy, or Works of Mr. Barkov]*. Moscow, Ladimir Publ., 1992. 411 p. (In Russ.)
14. Zapadov, A.V. “Iz arkhiva Khvostova” [“From Khvostov's Archive”]. *Literaturnyi arkhiv: materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniia [Literary Archive: Materials Concerning Russian Literature and Social History]*, vol. 1. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 359–407. (In Russ.)

15. *Zapiski grafa Fiodora Petrovicha Tolstogo* [Count Fyodor Tolstoy's Papers]. Moscow, RSUH Publ., 2001. 319 p. (In Russ.)
16. "Iz vremen imperatora Pavla Petrovicha" ["From Pavel I's Times"]. *Russkii arkhiv*, vol. 11. St. Petersburg, 1873, pp. 644–645. (In Russ.)
17. Kantemir, A.D. *Sobranie stikhotvoreniĭ* [Complete Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1956. (In Russ.)
18. Kriazhimskaia, I. "Rukopisnoe nasledie N. Sandunova. (Iz istorii russkoi literatury kontsa XVIII – nachala XIX v.)" ["N. Sandunov's Manuscripts. from the History of Russian Literature of the late 18th and early 19th Centuries"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1960, pp. 137–144. (In Russ.)
19. Kuz'mina, V.D. *Russkii demokraticeskii teatr XVIII veka* [Russian Popular Theater of the 18th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 208 p. (In Russ.)
20. Letova, N., Letov, B. "Biograf i letopisets minuvshago" ["Biographer and Chronicler of the Past"]. Altaev, A.I. *Povesti* [Stories]. Moscow, Detskaia literatura Publ., 1972, pp. 5–20. (In Russ.)
21. Lotman, Iu. M. *Andrei Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshhestvennaia bor'ba ego vremeni* [Andrei Kaisarov and Literary-Social Struggle of His Time]. Tartu, TSU Publ., 1958. 192 p. (In Russ.)
22. Liustrov, M.Iu. *Fonvizin* [Fonvizin]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2013. 318 p. (In Russ.)
23. Mazur, N.N. "Maska neistovogo stihotvortsia v 'Evgenii Onegin': polemicheskie funktsii" ["The Mask of a Frenetic Versifier in *Eugene Onegin*: Polemical Functions"]. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and His Contemporaries], issue 5. St. Petersburg, 2009, pp. 141–208. (In Russ.)
24. Narskaia, E. "Svobodnyi vybor. Povest'" ["Free Choice. A Tale"]. *Russkii vestnik*, vol. 17. Moscow, 1858, pp. 338–416. (In Russ.)
25. Pushkin, A.S. *Pis'ma k zhene* [Letters to Wife], ed. prep. by Ia.D. Levkovich. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 259 p. (In Russ.)
26. Pushkin, A.S. *Pis'ma: 1831–1833: v 3 t.* [Letters: 1831–1833: in 3 vols.]. Moscow, Academia Publ., 1935. (In Russ.)
27. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t.* [Complete Works: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1959. (In Russ.)
28. Saprygina, E. "Neizvestnye pis'ma Aleksandra Izmailova Nikolaiu Grammatinu" ["Alexander Izmailov's Unknown Letters to Nikolai Grammatin"]. *Gubernskii dom. Istoriko-kraevedcheskii kul'turno-prosvetitel'skii nauchno-populiarnyi zhurnal*, no. 3. Kostroma, 1995, pp. 45–47. (In Russ.)
29. *Sbornik na 1838 god* [Collection for 1838]. St. Petersburg, Tipografiia A. Voeikova i Ko., 1838. (In Russ.)
30. Semennikov, V. "Fonvizin i dva stikhotvoreniia 'Chertik na drozhkakh' i 'Matiushka-raznoshchik.'" ["Fonvizin and Two Poems: 'A Little Devil in an Open Carriage' and 'Little Matthew the Deliverer'."]. *Russkii bibliofil*, no. 4, 1914, pp. 65–76. (In Russ.)

31. *Senatskii arkhiv. Imennye ukazy Imperatora Pavla I [Senat's Archive: Personal Edicts of Paul I]*. St. Petersburg, 1888. (In Russ.)

32. Simankov, V. "D.I. Fonvizin kak 'rossiiskii Boalo': k istokam odnoi nominatsii v satiricheskikh zhurnalakh N.I. Novikova" ["D.I. Fonvisin as the 'Russian Boileau': towards the Origins of the TitulatorynFormula in N.I. Novikov's Satirical Journals"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2020, pp. 25–34. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-25-34 (In Russ.)

33. Smirnova-Rosset, A.O. *Vospominaniia. Pis'ma [Memoirs. Letters]*. Moscow, Pravda Publ., 1990. 541 p. (In Russ.)

34. Stepanov, V.P. "Polemika vokrug D.I. Fonvizina v period sozdaniia 'Nedoroslia'." ["Polemics Concerning Fonvizin in the Period of His Work on *The Minor*"]. *XVIII vek. Russkaia literatura XVIII veka v ee sviaziakh s iskusstvom i naukoj [18th Century. Russian Literature of the 18th Century in Its Relations with Art and Science]*, vol. 15. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 204–228. (In Russ.)

35. Strichek, A. *Denis Fonvizin: Rossiia epokhi prosveshheniia. [Denis Fonvizin: Russia During the Age of Enlightenment]*. Moscow, Prometei Publ., 1994. 510 p. (In Russ.)

36. Shevryev, S.P. "Dnevnik chinovnika. Stat'ia piataia. 1807-i god" ["Diary of a Clerk. Essay 5. 1807"]. *Otechestvennye zapiski [Notes of the Fatherland]*, vol. CII, section 1. St. Petersburg, 1855. (In Russ.)

37. Shklovskii, V. *Matvei Komarov, zhitel' goroda Moskvy [Matvei Komarov, a Citizen of the City of Moscow]*. Leningrad, Priboi Publ., 1929. 296 p. (In Russ.)

38. Junge, Ek. "Iz moikh vospominanii. 1843–1860 gg." ["From My Recollections. 1843–1860"]. *Vestnik Evropy [Herald of Europe]*, book 3. St. Petersburg, 1905. (In Russ.)

39. *Oeuvres de Nicolas Boileau Despreaux. Avec des éclaircissemens historiques, donnés par lui-même*, vol. 1. A La Haye, 1729.

40. Sulpasso, Bianca. "Stranitsy iz nekanonicheskoi istorii russkoi literatury XVIII veka: evolutsiia literaturnogo obraza staroobriadtsa" ["Excerpts from Noncanonical History of Russian Literature of the 18th Century: Evolution of the Literary Image of an Old-Believer"]. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 47, winter 2014, pp. 55–73. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 13.01.2022
Одобрена после рецензирования: 15.02.2022
Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 13.01.2022
Approved after reviewing: 15.02.2022
Date of publication: 25.03.2022